

Цяо Юаньлинь переобулся в домашние тапочки и сразу поспешил к себе, даже забыв поздороваться. Он только недавно выписался из больницы, поэтому все за него переживали. Цяо Вэньюань спросил:

— Почему у тебя так лицо покраснелось? Лихорадка?

— ...У меня просто жар.

Хэ Цзе спросила:

— Сварить тебе травного чаю?

— Не нужно, у меня еще и с животом неполадки, — ляпнул Цяо Юаньлинь первое, что пришло в голову, и тут же скрылся в своей комнате.

По сравнению с ним Лян Чэн держался на редкость невозмутимо. Вернувшись, он еще какое-то время посидел перед телевизором вместе с родителями.

Приняв душ, Цяо Юаньлинь растянулся на кровати и включил прямую трансляцию Лао Сы, прислушиваясь к каждому шороху. Минут через пятнадцать он услышал, как Цяо Вэньюань и Хэ Цзе ушли спать, а Лян Чэн зашел в спальню напротив.

Ему вдруг стало скучно, и он оставил комментарий на стриме Лао Сы: «И что тут интересного?»

Получив в ответ около тысячи гневных откликов, Цяо Юаньлинь со смехом схватился за сердце, вышел из приложения и залез под одеяло. Стоило ему выключить свет — его палец даже не успел оторваться от выключателя, — как за дверью напротив раздался щелчок.

Цяо Юаньлинь затаил дыхание и тихонько включил свет обратно.

Лян Чэн дважды постучал в дверь.

Видимо, в каждом человеке дремлет талант воришки: опасаясь, что у стен есть уши, Цяо Юаньлинь разблокировал телефон и отправил сообщение в WeChat: «Ты чего?»

Убедившись, что тот не спит, Лян Чэн просто нажал на ручку и вошел.

Цяо Юаньлинь остолбенел. Лян Чэн был в темно-синем халате, с мокрыми волосами, а на его щеке и ключицах поблескивали невытертые капли воды.

Это почему-то вызвало у Цяо Юаньлиня глухое раздражение:

— Ты почему в таком виде?

— Пижама в стирке, — ответил Лян Чэн. — А халат как раз для того и нужен, чтобы надевать после душа.

Цяо Юаньлинь отвел взгляд и уставился на портативный аккумулятор, лежавший на прикроватной тумбочке.

— Уже поздно. Что-то случилось?

Лян Чэн присел на край кровати. Полы халата слегка разошлись, обнажая его стройные

голени. Кровать окутал аромат геля для душа. Цяо Юаньлинь глубоко вдохнул, почувствовав легкое головокружение, и невольно заподозрил, что тот специально надушился каким-то приворотным зельем.

Ночь на дворе, и совсем недавно они целовались... Оказавшись с ним наедине, Цяо Юаньлинь встревоженно произнес:

— Я бы хотел... продвигаться постепенно.

Лян Чэн потянулся рукой к поясу.

— Ты что творишь? — Цяо Юаньлинь резко сел. — Не смей развязывать пояс! За кого ты меня принимаешь?

Лян Чэн посмотрел на него как на тяжелобольного пациента психиатрического отделения и достал из кармана халата глюкометр.

— Ты за вечер выпил столько коробок соевого молока. Я пришел измерить твой уровень сахара после еды.

Цяо Юаньлинь только и смог выдавить:

— ...А?

Лян Чэн и злился, и смеялся одновременно:

— И за кого ты меня принимаешь?

Пока Лян Чэн вставлял иглу и тест-полоску, Цяо Юаньлинь все еще пребывал в прострации. Лян Чэн разорвал упаковку со спиртовой салфеткой, обхватил его палец, протер подушечку и с тихим щелчком сделал прокол.

Приложив тест-полоску к капле крови, он подождал результат и произнес:

— Семь целых пять десятых. Нормально.

Цяо Юаньлиню казалось, что прижимать ватку нет никакой нужды — его кровь и так застыла от неловкости. Он подобрал ланцет и, решив идти до конца, выпалил:

— А почему ты себе не измеришь? Ты ведь тоже его пробовал!

Лян Чэн молча посмотрел на него и протянул руку, давая возможность выпустить пар. Цяо Юаньлинь придвинулся ближе, неумело пропустил дезинфекцию и поднес иглу прямо к его пальцу.

Но в самый последний момент отбросил прибор в сторону.

— Что такое? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь покачал головой:

— Не хочу, чтобы у тебя снова шла кровь.

Пусть за его плечами и было преступление со сроком заключения, Лян Чэн все же считал себя

человеком порядочным. Он собирался измерить сахар, пожелать спокойной ночи и уйти, но теперь это уже от него не зависело.

Не прошло и пары секунд, как он притянул Цяо Юаньлиня к себе на колени и крепко обнял. Почувствовав, как напряглось тело в его руках, Лян Чэн негромко произнес:

— Спи так. Как уснешь, я уйду.

Цяо Юаньлинь постепенно расслабился, устроился поудобнее и послушно уткнулся Лян Чэну в грудь. Настольная лампа погасла. Он закрыл глаза, но беспокойные мысли требовали выхода.

— В тот день, когда я упал в обморок, мне приснилось, что Лю Гана осудили.

«Так вот почему он бормотал про месть», — подумал Лян Чэн и вслух произнес:

— Его осудят.

— Сколько денег ушло сегодня вечером?

— Я перевел все брату Ину. Так что теперь ты мой должник.

— Значит, поцеловал меня просто так?

Лян Чэн промолчал.

— А объектив ты на официальном сайте заказывал? Мини-штатив в подарок шел?

— Если не хочешь спать, можем заняться чем-нибудь другим, — предложил Лян Чэн.

Наконец Цяо Юаньлинь притих. Лян Чэн мягко поглаживал его по спине, и сонливость накатывала все сильнее. Вскоре он, кажется, уснул и провалился в сновидение — но все было настолько отчетливым, что больше походило на воспоминание.

Это было в то лето, когда уехал Лян Чэн.

В полдень в переулке Ваньпин слышался лишь непрекращающийся стрекот цикад. На дверях ателье ципао висела табличка «Закрыто». Ван Жуйчжи, облаченная в ципао из шелка сяньюньша, сидела у входа и грелась на солнышке. Нежно-сиреневый наряд выглядел изящно и просто, а серебряная цепочка ее очков для чтения поблескивала на свету.

Продев иголку с ниткой, чтобы пришить пуговицу к кофточке, она вдруг спросила:

— Сокровище мое, ты все еще помнишь о малыше Ляне?

Цяо Юаньлинь, склонившийся над рабочим столом за домашним заданием по рисованию на каникулы, вздрогнул, и ножницы соскользнули, испортив кусок ткани. Он не знал, насколько хорошо Ван Жуйчжи видит его насквозь, поэтому не стал оправдываться и ответил:

— Вовсе нет. Я собираюсь забыть его.

— Да, так будет лучше, — вздохнула Ван Жуйчжи и, замаявшись, добавила: — Если только...

— Если только что? — спросил Цяо Юаньлинь.

Ван Жуйчжи ответила, что будь то случайность или безвыходное положение, но юноша, способный убить человека собственными руками, обладает не только отчаянной смелостью загнанного в угол зверя, но и врожденной жестокостью.

— Любить такого человека — значит обречь себя на боль, — с жалостью посмотрела на него старушка. — Если только ты не станешь для него самым дорогим на свете, зеницей его ока.

Цяо Юаньлинь сжал испорченный лоскут ткани. Как он вообще мог им стать?

Прошло много времени. У Лян Чэна уже затекли ноги, но он продолжал сидеть неподвижно.

На грани сна и яви Цяо Юаньлинь потерся лицом о его плечо, а затем неуверенно, робко обвил руками его талию.

Лян Чэн наклонился ниже и расслышал тихое, невнятное бормотание.

— Я... — пробормотал Цяо Юаньлинь. — Попробую еще раз.

Утреннее совещание редакции начиналось в восемь часов. Когда Цяо Юаньлинь только перевели сюда, он занимал самое последнее место за столом заседаний. Но постепенно, словно фишка в шашках, он продвигался вперед и теперь сидел по правую руку от Бао Чуньшаня.

Приближался День образования КНР, поэтому темы для репортажей неизбежно крутились вокруг праздников. Лао Чжоу, отвечающий за работу с рекламодателями, сообщил, что администрация курортного острова Линхай пригласила программу «Бадатун» снять совместный спецвыпуск, предложив весьма щедрое спонсирование.

В обычное время для проектов такого масштаба выбирали специализированные туристические передачи. Программа «Бадатун» раньше снимала разве что обзоры ресторанов, да и то лишь для того, чтобы заполнить эфирное время, когда не хватало новостей.

Все так и просияли. После выхода в эфир Дела о виагре статус программы резко вырос. И дело было не только в предложениях о сотрудничестве — у них появилось больше десятка новых спонсоров.

Бао Чуньшань одобрил проект и сказал:

— Сяо Цяо, подготовь сегодня подробный план выпуска.

Цяо Юаньлинь кивнул. Остров Линхай... В те годы там все переломали и перестроили, и ему действительно хотелось снова побывать в тех краях.

После собрания он заварил большую кружку фруктового чая и с головой ушел в составление плана на своем рабочем месте. За это время экран его телефона один раз загорелся — пришло обновление от зарубежного СМИ, на которое он был подписан.

Он проработал без отдыха до самого вечера, даже забыв об обеде, и смог перевести дух только после того, как отдал проект на подпись Бао Чуньшаню.

В столовой уже ничего не осталось. Выйдя из кабинета, Цяо Юаньлинь прикидывал, куда пойти — в ближайшую закусочную или в лапшичную. На ходу он разблокировал телефон и принялся читать ту самую новость.

«Эндрю, ученый-биолог, его последний исследовательский проект...»

Едва он дочитал первую строчку, как на повороте коридора столкнулся с прохожим. Пивной живот мужчины спружинил, оттолкнув Цяо Юаньлиня назад. Телефон выпал из рук журналиста, а у его оппонента на пол посыпались бумаги из папки.

Удержав равновесие, он разглядел перед собой Сунь Чжо. Подумать только, они встретились впервые с тех пор, как его перевели в другой отдел.

Сунь Чжо тоже смотрел на него. Статус руководителя не позволял ему поздороваться первым, поэтому он просто потирал свой упругий живот, ожидая, пока заговорит подчиненный.

Цяо Юаньлинь наклонился подобрать телефон. Листы формата А4 из разлетевшейся папки засыпали пол. Он аккуратно собрал их все и быстро разложил по номерам страниц.

На первой странице была краткая биография: «Эндрю, китайский биолог...»

— Ой, — удивленно вырвалось у него. — Шеф, планируете эксклюзивное интервью?

Сунь Чжо забрал папку и ответил:

— Да там еще вилами на воде писано.

Цяо Юаньлинь был подписан на десятки новостных каналов, но об этом Эндрю в отечественных СМИ не было ни слова. Он невольно восхитился профессиональным чутьем Сунь Чжо.

Разговор завязался куда непринужденнее, чем они оба могли ожидать. Сунь Чжо пошутил:

— Ну и как тебе в новой программе? Слышал, недавно от усталости в обморок упал?

Цяо Юаньлинь смущенно взъерошил волосы:

— Все отлично.

Это было чистой правдой. Поначалу он еще таил обиду, но теперь и прежнее недовольство, и вспыхнувшая во время ссоры злость остались в прошлом.

— Я видел оба твоих последних репортажа, — сказал Сунь Чжо.

Цяо Юаньлинь улыбнулся:

— Надеюсь, не разочаровал вас?

Сунь Чжо со вздохом покачал головой. С тех самых пор, как Цяо Юаньлинь пришел стажироваться на телестанцию, он всегда был у него на виду. С виду избалованный, не приученный к трудностям, порой капризный, а когда терял бдительность, мог в лицо раскритиковать даже директора телестанции.